
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-IX

Посвящается 130-летию со дня рождения С. А. Козина

Составитель И. В. Кульганек



St. Petersburg
2010

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-IX: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 176 с.

Девятый выпуск сборника имеет разделы: «Историография, источниковедение и история науки», «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Научная жизнь», «Рецензии, письма в редакцию», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеоисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The ninth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews. Letters to the editors», «Scholarly events», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Т. В. Чудинова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Подписано в печать 01.02.2011. Формат 60×90 ¹/₈. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22 п. л. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-434-6



© Петербургское Востоковедение, 2010

© Институт восточных рукописей РАН

Содержание

Предисловие	5
И. В. Кульганек. С. А. Козин: неизвестные страницы биографии и научного творчества	7
С. А. Козин. Беседа мальчика-сироты с орлёками Чингис-хана (Подг. к изданию Т. Ю. Евдокимовой)	14
М. В. Мандрик, И. М. Захарова. К истории назначения на должность советника: С. А. Козин на пути в Монголию	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Т. Д. Скрынникова. Значение термина <i>ulus</i> в «Erdeni-yin tobči» Санан-Сэцэна	25
Е. В. Бойкова. «Монгольские экспедиции» А. Белинского (1907—1912): миф и реальность	30
Р. Ю. Почекаев. К вопросу о рецепции иностранного права в Монгольской империи и государствах чингисидов XIII—XV вв.	33
М. М. Содномпилова. Окружающая природа в традиционном мировоззрении монгольских народов: растительность в представлениях, верованиях и запретах	39
Д. А. Николаева. Материнство в традиционной культуре бурят	43
Дин Шучинь. Проблема <i>туцзу</i> в китайском монголоведении	51
Ж. Сабитов. «Муизз ал Ансаб» как источник по истории Монгольской империи	55
А. А. Сизова. Монгольский перевод ламрима Гампопы	63
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
З. К. Касьяненко. Колофоны оригинальных сочинений — источник информации о формировании письменной культуры народов Центральной Азии	67
Б. С. Дугаров. Концепт тэнгристской мифологии в контексте бурятской Гэсэриады	69
Л. С. Дампилова. «Поэзия эмоционально уплотненного тона» Б. Галсансуха	73
Саймон Уикем-Смит. Шепот внутри: поэзия Бекзина Явухулана (Пер. с англ. А. В. Зорина).	78
Д. А. Носов. Монгольская народная кумулятивная сказка	84
А. Алима. Особенности распространения монгольской протяжной песни	90
Т. Г. Басангова. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков	95
Е. В. Сундуева. Вербализация зрительного восприятия световых явлений в монгольских языках (на материале корней с согласным <i>r</i>)	99
Т. Б. Тагарова. Адгерентная выразительность фразеологических единиц в драматургии Д. Батожабая как стилистический прием	103
И. В. Герасимов. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях	109
Ю. И. Елихина. Монгольские коллекции Государственного Эрмитажа	117
РЕЦЕНЗИИ. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
Майкл Хини. <i>Тьяллинг Халбертсма.</i> Охотники на йети: тайные исследования диких людей из Центральной Азии (Пер. с англ. Н. С. Яхонтовой)	123
К. Н. Яцковская. Письмо в редакцию сборника «Mongolica»	125
К. Н. Яцковская. Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908—1998).	127
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Л. Халлоупкова. Тридцатилетие Рабтен-центра в Швейцарии	136
Конференции, новые книги по монголоведению в 2010 году	138
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Д. Бодо. Коралловые четки. Поучительный рассказ о воздаянии за мирские деяния (Пер. с монг. Л. Скородумовой)	148
Г. Аюурзана. Письмо бабушке (Пер. с монг. Е. Чернышевой)	163
Г. Аюурзана. Прилагательные времени (Пер. с монг. Д. Водяницкой, Е. Чернышевой)	166
Д. Батбаяр. Любовь (Пер. с монг. Н. Чернухи)	168
Д. Батбаяр. Слово (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Батбаяр. Человек (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Нацагдордж. Мрачные скалы (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	170

Contents

Preface	5
I. V. Kulganek. S. A. Kozin: some unknown biography and scolarly data	7
S. A. Kozin. A talk between nine Chinggis Khan's orloks and a wise orphan-boy (Prep. by T. Yu. Evdokimova)	14
M. V. Mandric, A. I. Zakharova. S. A. Kozin's appointment as a counsellor: S. A. Kozin on his way to Mongolia	17
HISTORIOGRAPHY, TEXTOLGY	
T. D. Skrynnikova. The meaning of the term <i>ulus</i> in «Erdeni-yin tobči» by Sanan Secen	25
E. V. Boikova. The A. Belinskii's expeditions to Mongolia (1907—1912): myth and reality	30
R. Yu. Pochekeyev. On the problem of reception of the foreign law in the Mongolian Empire and Chinggiside States in XIII—XV centuries	33
M. M. Sodnompilova. The surrounding nature in the traditional world-view of the Mongolian peoples: vegetation in views, beliefs and taboos	39
D. A. Nikolayeva. Motherhood in the traditional Buriat culture	43
Ding Shuqin. The problem <i>Tutsu</i> in the Mongolian studies in China	51
Zh. Sabitov. «Muizz al-Ansab» as a source on the history of the Mongolian Empire	55
A. A. Sizova. A Mongolian translation of the lamrim by Gampopa	63
LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
Z. K. Kasyanenko. The colophones of original texts — a source of information about the formation of written culture in Central Asia	67
B. S. Dugarov. Tenggrist mythological concept in the context of the Buriat epic «Geser»	69
L. S. Dampilova. «The poetry of emotionally pressed tone» by B. Galsansukh	73
S. Wickham-Smith. A whisper of something more: the poetry by Begziin Yavuuhulan (Transl. from English by A. Zorin)	78
D. A. Nosov. The Mongolian folk cumulative-type tale	84
A. Alima. The distribution features of Mongolian «long» songs	90
T. G. Basangova. Demonological characters in the Kalmyk folklore	95
E. V. Sunduyeva. The verbalisation of visualization of light phenomena by native speakers in the Mongolian languages (on roots with a consonant <i>r</i>)	99
T. B. Tagarova. The adherent expressivity of phraseal units in plays by a Buriat playwright D. Batozhabay as a stylistic device	103
I. V. Gerasimov. The camel image in Mongolian and Arabic literary tradition	109
Yu. I. Elikhina. The Mongolian collections in the State Hermitage Museum	117
REVIEWS. LETTERS TO THE EDITORS	
Michael Heaney. <i>Tjalling Halbertsma.</i> Yeti Jagers: Het Geheime Onderzoek naar de Wilde Mens van Centraal-Azië (Transl. from English by N. S. Yakhontova)	123
K. N. Yatskovskaya. A letter to the editors	125
K. N. Yatskovskaya. Our tutor Eduard Makarovich Murzayev (1908—1998)	127
SCHOLARLY EVENTS	
L. Holoupkova. The celebration of the 30th anniversary of the Rabten center in Switzeland	136
Conferences, new books on Mongolian studies published in 2010	138
OUR TRANSLATIONS	
D. Bodo. Corall rosary. A didactic story about a requital for mundane deeds (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	148
G. Ayurzana. A letter to my granny (Transl. from Mongolian by E. Chernyshova)	163
G. Ayurzana. Adjectives of time (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	166
D. Batbayar. Love (Transl. from Mongolian by N. Chernukha)	168
D. Batbayar. A word (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Batbayar. A man (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Natsagdordzh. Gloomy rocks (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	170

Ю. И. Елихина

Монгольские коллекции Государственного Эрмитажа

Статья посвящена хранящимся в коллекции Государственного Эрмитажа археологическим находкам и памятникам искусства различных народов, населявших Монголию с древнейших времен до начала XX в. Большое внимание уделено предметам из самого известного археологического комплекса кочевой культуры гуннов (сюнну) — кургана Ноин-Улы, привезенным выдающимся путешественником и исследователем Центральной Азии П. К. Козловым из последней экспедиции в Монголию в 1923—1926 гг.

Ключевые слова: Государственный Эрмитаж, монгольские коллекции, Ноин-Ула, кочевая материальная культура, звериный стиль, монгольская скульптура, буддизм.

Самым известным археологическим комплексом кочевой культуры гуннов (сюнну) являются находки, происходящие из курганов Ноин-Улы. Эти предметы были привезены последней экспедицией 1923—1926 гг. Петра Кузьмича Козлова (1863—1935) — выдающегося русского путешественника и исследователя Центральной Азии.

Оценивая результаты этой экспедиции, П. К. Козлов писал: «В Северной Монголии, в Хэнтэйских горах, открыты и исследованы глубокие могилы двухтысячелетней давности, гуннские погребения. Их раскопки специалисты отнесли к наиболее ценным для археологии памятникам, ставшим известными в первой четверти XX в.».

Могильники в горах Ноин-Ула расположены в трех лесистых впадинах: Гуджиртэ, Цзурумтэ и Судзуктэ. Во всех могильниках Монголо-тибетской экспедицией было учтено 212 курганов [Руденко, 1962. С. 80].

Курганы, за исключением кургана № 12, исследованного С. А. Теплоуховым, раскапывались под наблюдением С. А. Кондратьева. Восемь курганов считаются основными: № 1 (Мокрый), № 6, № 12 (23) (раскапывал С. А. Теплоухов), № 24 и № 25, а также Кондратьевский, Андреевский (в честь А. Д. Симукова) и Баллодовский. Самым большим считался курган Баллодовский. Основная часть раскопанных курганов относилась к судзуктэйской группе: № 1, 6, 12 (23), 24 и 25. Андреевский и Кондратьевский входили в цзурумтэйскую группу. В этой же группе находился курган Баллодовский, обследованный в 1912 г. Е. Баллодом.

Конструкция раскопанных курганов в общих чертах сходная. Они имели квадратную насыпь, ориентированную по сторонам света, и квадратную могильную яму глубиной от 6,0 до 18,5 метров. На дне

могильной ямы настился пол, на котором устанавливалась двойная камера с гробом во внутренней камере. Полы застилали коврами, стены драпировали тканями. В коридорах помещался погребальный инвентарь. Ноин-улинские курганы датируются по надписям на двух лаковых чашечках из кургана № 6, на которых указана одна и та же дата — 2 г. до н. э. Как было отмечено С. И. Руденко, все раскопанные курганы по конструкции и инвентарю очень близки между собой и их можно датировать одним и тем же временем [Лубо-Лесниченко, 1994. С. 43]. В кургане № 6, по мнению А. Н. Бернштама, был похоронен Учжулю-жоди, умерший в 13 г. н. э. [Бернштам, 1951. С. 37—38]. Поэтому обычно мы датируем ноин-улинские памятники I в. н. э.

По истории гуннов написано большое количество трудов как российскими, так и зарубежными учеными.

Первые сведения о гуннах содержатся в китайских сочинениях начиная с последних столетий до н. э. На рубеже III и II вв. до н. э. гунны создали кочевую империю, во главе которой стоял шаньюй. Он являлся верховным правителем, главнокомандующим, судебной инстанцией и жрецом. У гуннов было сильное войско, и они постоянно совершали набеги на соседние территории и держали в страхе Китай. Этот период набегов и торговли длился с 200 г. по 133 г. до н. э.

Затем наступает время великого противостояния — со 129-го по 58 г. до н. э. В I в. до н. э. начался распад державы гуннов. В первую очередь это связано с внутренними междоусобицами и войнами. В 80 г. до н. э. на сторону Китая перешли усунь, в 72 г. до н. э. восстали динлины и ухуани, в 62 г. до н. э. гунны потерпели поражение от китайцев. В 59 г. до н. э. в державе гуннов с новой силой вспыхнула

междоусобная война, окончательно подорвавшая государство.

Шаньюй Хуханье подчинился китайскому императору, и с 56 г. до н. э. по 9 г. н. э. гунны находились в вассальной зависимости от Китая.

В начале I в. н. э. гунны обрели былую мощь и независимость, с 9 г. по 48 г. н. э. набеги возобновились, а Хань находилась в состоянии кризиса. В 48 г. н. э. гуннская держава распалась на две части: северную и южную. Последняя находилась в подданстве у Китая. Часть северных гуннов откочевали на запад. И в 93 г. государство гуннов перестало существовать.

Археологические материалы из Ноин-Улы дают представление о погребальном обряде и хозяйстве гуннов, о жилищах и домашней утвари, об одежде и украшениях, о технике обработки различных материалов, об оружии и военном деле, об изобразительном искусстве, верованиях и о международных отношениях гуннов.

Курганы Ноин-Улы все исследователи относят к категории «царских» и «княжеских». Пристрастие гуннской знати к роскоши, отмеченное китайскими историками, могло удовлетворяться не только сбором ясака с подвластных племен, но и брачными связями с более или менее удаленными народами. Отсюда понятно исключительное разнообразие предметов искусства, сохранившихся в ноин-улинских курганах. Кроме того, при ставках гуннских шаньюев могли быть мастера различных национальностей, которые в своих произведениях сочетали привычную для них технику с мотивами гуннского искусства. Все курганы были разграблены еще в древности. С. А. Теплоухов высказал предположение, что гуннские курганы были разграблены ухуанями между 74 и 77 гг. н. э. [Теплоухов, 1925. С. 22].

Большая часть коллекции из Ноин-Улы хранится в Эрмитаже, незначительное число предметов было передано в монгольские музеи, некоторые памятники находятся в Иркутском и Кяхтинском музеях. Сначала коллекция ноин-улинских памятников находилась в Государственном Археологическом институте материальной культуры, а в 1934 г. была передана в Эрмитаж.

Коллекция насчитывает 1900 предметов. Большую часть составляют ткани — 1150 экспонатов, фрагменты и изделия из кожи — 50, затем идут вещи из дерева — 205, бронзы — 200, железа — 22 и меди — 16, золота — 46, серебра — 7, глиняные сосуды и их фрагменты — 43. Кроме того, в коллекции представлены предметы из нефрита — 13 и отдельные вещи из янтаря, камня, рога, кварцита, стекла и смальты. Экспедиция привезла из раскопок пробы грунта, человеческие кости, волосы — 113 экспонатов, преимущественно человеческие косы, локоны и пряди, кусочки угля, семена, птичьи перья и сосновые шишки.

Заслуживает внимания относительно хорошая сохранность вещей из ноин-улинских курганов.

Погребальный инвентарь, найденный в курганах, можно разделить по происхождению на три группы:

гуннская, китайская и среднеазиатско-иранская [Лубо-Лесниченко, 1994. С. 43].

Основную часть предметов китайского происхождения составляют шелковые ткани и вышивки. Это одежда: халаты, штаны, головные уборы, обувь, вотивные знамена, футляры для кос, окаймления войлочных ковров, части драпировок стен могильных камер, обивка гробов и т. д. В находках представлены почти все известные типы шелковых тканей эпохи Хань: полихромные с рельефным рисунком, камки, гладкие и узорные газзовые ткани, вышивки, выполненные в разнообразной технике. Основную часть находок составляют гладкие безузорные ткани, главным образом тафта и репс. Одежда гуннов представляет типичные образцы кочевой материальной культуры. Гунны носили халаты и шаровары, сшитые из шелка и шерсти. На выставке представлены так называемые шаровары «с большой мотней» из гладкого шелка (курган № 6). Кроме шаровар у гуннов имелись штаны (курган № 6) китайского покроя, состоящие из двух самостоятельно надеваемых штанин. Шились такие штаны из полихромного шелка и украшались узором из крылатых козлов и всадников на крылатых конях в облаках. Снизу к штанам пришивалась войлочная обувь, обшитая сверху шелком. Именно широкие халаты и шаровары не сковывали движений, не мешали при езде на лошади и стрельбе из лука. Халат из кургана № 6 сшит из шелковой материи песочного цвета на подкладке из стеганого войлока очень слабой катки. Кроме того, в витрине выставлены три мужских головных убора, два из кургана № 6 и один из кургана № 24. Одежда из курганов принадлежала знатным людям, но можно предположить, что и простые гунны использовали одежду точно такого же покроя.

По подсчетам Е. И. Лубо-Лесниченко, в ноин-улинской коллекции представлено восемнадцать типов полихромных тканей, семь типов камчатых тканей, шестнадцать типов вышивок [Лубо-Лесниченко, 1994. С. 43—44].

На некоторых памятниках представлены изображения различных животных. Гуннское изобразительное искусство по сюжетам (борющиеся животные, крылатые грифоны и кони) является реминисценцией скифо-сибирского звериного стиля, но более позднее по времени. В памятниках гуннского искусства присутствуют те же сюжеты, набор образов, способы моделировки тел, характерные позы, обязательные для скифо-сибирского звериного стиля.

Вышивки поражают высоким мастерством исполнения. Мастер закрывал всю поверхность ткани сложнейшими тщательно выполненными узорами. Излюбленной техникой, употребляемой ханьскими вышивальщицами, был тамбурный шов. Эта техника, по-видимому, была широко распространена в древнем мире, т. к. тамбурный шов использовали и на вышивках античного мира. Кроме того, на тканях из Ноин-Улы встречается вышивка стебельчатым швом и техника простой глади. Вышивка (MP-1335) исполнена в технике точечной глади [Лубо-Лесни-

ченко, 1961. С. 14—15]. Эта вышивка происходит из кургана № 12. С. И. Руденко назвал зверя, вышитого на ткани, «птичий грифон» [Руденко, 1962. С. 83], но Е. И. Лубо-Лесниченко считал его изображением дракона [Лубо-Лесниченко, 1961. С. 15].

Шерстяные вышивки характерны для среднеазиатско-иранской группы. К таким памятникам относятся знаменитые вышивки с изображением всадников (курган № 6) и человеческих лиц (курган № 25). К шерстяным вышивкам относится фрагмент настенной драпировки «охотник, стреляющий в птицу» (курган № 6).

В коллекции имеется большая настенная драпировка (курган № 6), размером 175×152 см, с вышитыми тигровыми шкурами, черепаками и рыбками. Основой драпировки служит шерстяная ткань полотняного переплетения, с утком слабой крутки. Вышивка шерстяная и односторонняя, представляет собой распластанную шкуру тигра. Техника разнообразная: наряду с тамбурными стежками контурные линии выполнены простым стежком в виде веревочки, а пространство между ними заполнено гладью.

Одним из самых знаменитых памятников ноин-улинской коллекции считается войлочный ковер и его многочисленные фрагменты (курган № 6) со сценами борьбы яка с рогатым львом и крылатого грифона с оленем. Считается, что такие сцены символизируют борьбу: 1) животных за существование; 2) добра со злом; 3) света и тьмы; 4) жизни и смерти. Подобный сюжет встречается и на нефритовой пластине (курган № 24), но на ней крылатые драконы противопоставлены друг другу.

Среди ноин-улинских памятников встречаются вещи, связанные с бытом и верованиями гуннов. К ним относятся предметы из бронзы, железа, меди, дерева и камня. Среди них фрагменты нефритовых пластин, янтарные и кварцевые бусины, бронзовые зеркала, бронзовые части колесниц и фрагменты упряжи, бронзовые украшения сбруи некоторые деревянные предметы из отделки гробницы, глиняные и бронзовые фрагменты сосудов, бронзовые фибулы и другое.

Многочисленные бронзовые напершия, найденные в Ноин-Уле, были изготовлены китайскими мастерами. Напершие (курган № 25) представляет собой шестилепестковую розетку, к которой снизу приделана насадка — втулка. Интересен также бронзовый пояс с позолоченными пряжками на ременной основе из кургана № 6. Все пряжки выпуклые, овальные по форме. Семантика пояса в гуннской традиции может быть различной. Одной из главных функций, по нашему мнению, является изменение социального статуса, в данном случае переход в загробный мир.

Конечно, коллекция ноин-улинских памятников требует всестороннего изучения. Особенно интересным нам представляется изучение этих памятников как комплекса в целом.

В Государственном Эрмитаже находятся различные предметы, происходящие с территории Монголии и привезенные экспедициями. К ним относятся

фрагменты архитектуры, черепица, резные изображения из камня и дерева, принадлежащие к разным историческим периодам. Экспедицией П. К. Козлова 1925 г. были привезены находки из развалин монгольского монастыря Олон Суме, находящегося в Южном Хангае. Сюда относятся архитектурные фрагменты и части буддийской скульптуры, кирпичи и резные деревянные украшения. Эта часть коллекции насчитывает триста шестьдесят шесть предметов.

Фрагменты керамики, черепицы и кирпичей, пряжки, удила, псалии и предметы из плиточных могил привезла в 1925—1926 гг. экспедиция Г. Боровко из долины р. Толы.

В коллекции Государственного Эрмитажа имеется уникальный фрагмент гранитной скульптуры тюркского времени (VI—VIII вв.), от которой остались только голова и шея. Затылок и шея покрыты выбитыми руническими знаками, которые пока не смогли перевести специалисты. Всего существует две скульптуры тюркского времени с руническими надписями: одна из них находится в Монголии, а вторая — в коллекции Государственного Эрмитажа.

Из раскопок уйгурской столицы, Хара Балгасуна (744—840), происходят сто вещей, привезенных экспедицией В. Л. Котвича в 1912 г. Они представляют собой мелкую буддийскую пластику и архитектурные фрагменты. Хара Балгасун расположен в 25 км на северо-восток от Каракорума в долине р. Орхон. Позднее некоторые предметы, относящиеся к подъемному материалу из Хара Балгасуна, были переданы в Эрмитаж экспедицией С. В. Киселева.

Первыми обратили внимание на развалины Каракорума, древней монгольской столицы, русские ученые XIX в. Н. М. Ядринцев, Д. М. Клеменц и В. В. Радлов. Собрание Н. М. Ядринцева насчитывает семьдесят предметов и находится в коллекции Государственного Эрмитажа. В основном в него входят архитектурные фрагменты, поливная и неполиванная черепица, фрагменты сосудов и некоторые изделия из железа. Археологические работы велись в Каракоруме, столице Великого Монгольского государства, еще в 1933 г. экспедицией Д. Д. Букинича. Эта часть коллекции насчитывает всего десять экспонатов, которые были переданы в Эрмитаж в 1935 г. Д. Д. Букинич раскопал только верхний слой. Наиболее подробно город был изучен экспедицией члена-корреспондента Академии наук С. В. Киселева (1905—1962), знатока монгольской истории и археологии. Эрмитажная коллекция из Каракорума насчитывает около двух тысяч находок, привезенных экспедицией С. В. Киселева. Им было раскопано и описано еще несколько монгольских поселений XIII—XIV вв.

Столицей Великого Монгольского государства с 1220 по 1260 г. был город Каракорум, в котором переплелись судьбы разных народов, их культуры и религии. Этот город был основан в пятнадцатый год правления Чингис-хана (1162—1227); при Угедэе (1186—1241) в нем проводились большие строительные работы. Город был связан со многими стра-

нами посредством определенной системы связи, которая была введена в 1234 г. Угедзем. В основе этой системы лежало строительство почтовых станций на расстоянии 25—30 миль одна от другой. Многие послы со всего мира приезжали к монгольскому двору. Такие путешественники, как Марко Поло, Вильгельм Рубрук, Плано Карпини, оставили описание Каракорума как одного из красивейших городов мира. Археологические находки подтверждают, что Каракорум был центром искусства, культуры и архитектуры [Бира, 2001. С. 360]. В Каракоруме процветала торговля. Об этом свидетельствуют огромное количество монет [Древнемонгольские города, 1965. С. 183—187, 282, 289] и привозные вещи: зеркала, серебряная посуда, керамика, шелк и др.

Каракорум неоднократно подвергался набегам и разрушениям: в 1260—1261 гг. город осадили монголы Хорезма под предводительством Аригбуги, дворец не был разрушен, но войско сожгло некоторые дома и кварталы; в 1368 г. китайские войска вошли в Монголию и разрушили город.

С XIV в. по XVI в. в истории Монголии наступают период, получивший название «темный», время междоусобиц и смут.

В конце XVI в. Монголия была завоевана маньчжурами, которые всячески способствовали распространению буддизма. Первый буддийский монастырь Эрдэни-Дзу был основан в 1586 г. на месте Каракорума. Трудно сказать, в каком состоянии находился город ко времени основания буддийского монастыря. В самых старых монастырских зданиях конца XVI в. в большом количестве использованы гранитные плиты, аналогичные найденным во дворце Угедэя. Вероятно, дворец к тому времени был разрушен, и из его развалин извлекали строительный материал. Подобным образом ремонтировали монастырь до начала 30-х гг. XX в.

В состав коллекции входят фрагменты архитектуры (черепица, буддийские фрески), фрагменты буддийской глиняной скульптуры, изделия из металла, керамика, фрагменты тканей, ювелирные украшения, резные изделия из кости и камня.

В 1934 г. из Монетного двора в Государственный Эрмитаж были переданы серебряные монгольские печати и женские украшения, включая халхаский женский головной убор с набором зажимов для волос.

Коллекция буддийской скульптуры в собрании Государственного Эрмитажа насчитывает более трех тысяч памятников. Большая часть памятников были собраны Э. Э. Ухтомским (1861—1921) и П. К. Козловым. Э. Э. Ухтомский окончил Санкт-Петербургский университет, много путешествовал, неоднократно посещал Калмыкию, Бурятию, Монголию и Китай. Будучи камергером Николая II, он имел самые обширные связи и поставщиков в этих регионах. Поэтому в его коллекции представлены уникальные и самые разнообразные по стилям и времени памятники. Его собрание было первым в России, он сумел привлечь внимание европейской общественности к буддийскому искусству Тибета и Монго-

лии. Книга А. Грюнведеля, посвященная коллекции Э. Э. Ухтомского, получила большую золотую медаль на Всемирной выставке в Париже в 1900 г.

Коллекция П. К. Козлова памятников буддийского искусства насчитывает около трехсот предметов, но тоже достаточно интересна и разнообразна. К ней относится золотой поясной набор, аналогичного которому нет даже в Монголии. Футляр для столовых приборов выполнен в технике резьбы по металлу.

Среди памятников буддийского искусства в Эрмитаже представлена и одна работа выдающего монгольского скульптора Г. Дзанабадзара (1635—1723). Ж. Беган сравнивает XVII в. монгольского искусства с эпохой ренессанса, а Дзанабадзара — с Леонардо Да Винчи [Beguín, 2005. P. 5]. Дзанабадзар создал свой особый стиль буддийской скульптуры и живописи и основал школу по изготовлению буддийской скульптуры. Он хорошо изучил буддийское искусство Тибета, Непала и Китая и, используя лучшие художественные особенности этих стран, создавал свои замечательные произведения. Ученики, применяя его литейные формы, изготавливали памятники и после смерти мастера. По крайней мере, две такие формы находятся в Историческом музее в Улан-Баторе [Beguín, 1993. P. 145—147], они были представлены на выставке монгольского искусства в Париже в 1993—1994 гг.

В коллекции Эрмитажа имеется одна скульптура, которая является работой Дзанабадзара. Это скульптура, изображающая бодхисаттву долголетия и здоровья Амитаюса (У-707), выс. 28,5 см, она относится к коллекции Э. Э. Ухтомского. Руки божества находятся в дхьяна-мудре (жесте медитации), в руках сосуд (калаша) с амритой, напитком бессмертия. На волосах следы синей краски. Скульптура имеет двойной лотосовый престол, не вскрыта. Для произведений Дзанабадзара и его школы характерно гравированное и позолоченное изображение вишваваджры на дне скульптуры.

Остальная мелкая буддийская пластика относится к произведениям школы Дзанабадзара. Одним из таких изображений является статуэтка Будды Шакьямуни (КО-1381), выс. 17 см. Она приобретена Эрмитажем в 1985 г. Представляет собой традиционное иконографическое изображение. Будда наделен 32 главными и 80 малыми признаками, восседает в ваджрасане, правая рука в жесте касания земли (бхумиспарша-мудра), в левой держит патру — чашу для сбора подаяний. На волосах сохранились следы краски. Скульптура имеет двойной лотосовый престол, не вскрыта.

Еще одно изображение Будды Шакьямуни (У-1912), выс. 10,5 см, относится к коллекции Э. Э. Ухтомского. Будда восседает в ваджрасане, правая рука в жесте бхумиспарша-мудра, в левой держит патру. На волосах сохранились следы синей краски. Скульптура имеет одинарный лотосовый престол, не вскрыта.

Будда врачевания Бхайшаджьягуру (У-529), выс. 25,5 см, относится к коллекции Э. Э. Ухтомского.

Будда восседает в ваджрасане, в правой руке держит миробалан, левая расположена в жесте дхьяна-мудра. Волосы покрашены черной краской. Скульптура имеет двойной лотосовый престол, не вскрыта.

Будда Амитабха (КО-13), выс. 13 см, скульптура относится к коллекции П. К. Козлова. Будда Амитабха, владыка западного рая Сукхавати, где возрождаются праведники, восседает в ваджрасане, руки в жесте дхьяна-мудра, в руках патра. Волосы покрашены синей краской. Скульптура имеет двойной лотосовый престол, не вскрыта. Нам известны аналоги этой скульптуры [Veguín, 2005. II. 3].

Сита-Амитабха представлен в виде бодхисаттвы со своей праджней Пандаравасини (КО-1627), выс. 24 см, верх прически утрачен, т. е. первоначально скульптура была несколько выше. На престоле сзади оставлены отверстия для мандорлы. У Амитабхи и у праджни руки в жесте дхьяна-мудра. На волосах сохранились следы синей краски. Скульптура имеет двойной лотосовый престол, вскрыта. Приобретена Эрмитажем в 1998 г.

Авалокитешвара-Шадакшари (КО-50), выс. 16,5 см, бодхисаттва милосердия. Скульптура относится к коллекции П. К. Козлова. Божество восседает в ваджрасане, у него четыре руки, основные руки в жесте анджали-мудра (жест поднесения драгоценности), в верхней правой руке держит четки, в левой — цветок лотоса (обломан). На волосах сохранились следы синей краски. Скульптура имеет двойной лотосовый престол, не вскрыта, на дне золоченая гравированная вишва-ваджра. Нам известны аналогии [Veguín, 2005, il. 11; Цултэм 1982. С. 100] этой скульптуры. Подобная форма божества была одной из самых распространенных, т. к. Далай-ламы считаются воплощением именно этой формы Авалокитешвары.

Лама (КО-1638) в шапке типа наринг, школы гелупка, выс. 16,5 см, руки в жесте дхьяна-мудра, в руках сосуд с амритой, восседает на подушках. Скульптура вскрыта. Приобретена Государственным Эрмитажем в 2001 г. Нам известны аналоги этой скульптуры [Цултэм, 1982. С. 105].

Падмасамбхава (КО-1644), выс. 19 см, индийский танрист VIII в. Чаще всего Падмасамбхава изображается в форме Пема Джюнгне (Лотосорожденный) (*тиб.* pad-ma 'byung-gnas). Считается, что именно в таком виде он появился в Тибете. Он носит типичную для Индии того времени особую одежду, которая называется *Za-hog-ma*, и особый головной убор — *pad-sva*. В правой руке он держит ваджру, в жесте защищающем от зла (тарджани-мудра), в левой — чашу из человеческого черепа (капала), сосуд с напитком бессмертия (калаша с амритой) и жезл (кхатванга). Капала является символом пустоты и устраняет разницу между бытием и небытием. Сосуд с амритой указывает на связь Падмасамбхавы с Амитабхой (бесконечный свет) и Амитаюсом (бесконечная жизнь). Согласно буддийским легендам Падмасамбхава появился по повелению Амитабхи. Жезл утрачен. Скульптура имеет одинарный круглый лотосовый

престол, вскрыта. Приобретена Государственным Эрмитажем в 2001 г.

Черный Джамбхала (КО-1628), 22 см, гневное божество, одна из форм бога богатства Вайшраваны. Глаза Джамбхалы изображены навывкате, рот открыт, зубы оскалены. Он стоит в позе танца — алидхасана, в правой руке держит капалу, чашу из человеческого черепа, в левой — мангуста, изрыгающего драгоценности. Шея, руки и ноги божества украшены ожерельями и браслетами из змей. Перед божеством на престоле расположена чаша с драгоценностями. Волосы его вздыблены, в прическе находится дхьяни-будда Ратнасамбхава в виде бодхисаттвы. На волосах следы красной краски. Одинарный лотосовый престол. Скульптура вскрыта. Приобретена Государственным Эрмитажем в 1998 г.

К монгольской скульптуре многие исследователи относят памятники, выполненные в долоннорском стиле. Долоннор — название местности во Внутренней Монголии, где с 1701 г. находилась летняя резиденция чжанчжа-хутухт, верховных пекинских лам [Герасимова, 1971. С. 11].

В Долонноре работали преимущественно китайские мастера и создавали памятники в едином стиле. Главной особенностью этого стиля было изготовление скульптуры в смешанной технике выколотки и литья: крупные части скульптуры выколачивались по заранее заготовленной форме, а мелкие отливались. Таким образом, скульптуру делали по частям, которые соединяли пайкой. Места соединения прикрывали многочисленными украшениями и лентами [Елихина, 2006. С. 15—16]. Скульптуру изготавливали в разных размерах — от двадцати сантиметров до двух метров. Эта техника позволяла изготавливать скульптуру массовым тиражом. Подобно китайским образцам, у долоннорской скульптуры оставляли просвет сзади лотосового престола, и число лепестков лотоса было нечетным.

Для бодхисаттв долоннорского стиля характерны следующие особенности: высокая прическа двух типов (закрученный жгут волос, сложенный пополам, или жгут волос, в двух или трех местах перехваченный лентой), локоны, ниспадающие на плечи, верх прически украшен ратной — буддийской драгоценностью. Ажурная корона, чаще всего съёмная, имеет пять зубцов и украшена лентами. Многочисленные браслеты и ожерелья иногда инкрустированы камнями, иногда просто раскрашены. У бодхисаттв долоннорского стиля подчеркнуто тонкая талия, а дхоти на бедрах перехвачено лентой с бантом посередине. Блестящими примерами этого стиля могут служить две скульптуры из коллекции Эрмитажа, изображающие бодхисаттву Майтрею и Ушнишаситатапатру. Оба памятника относятся к коллекции Э. Э. Ухтомского. Майтрея восседает в «европейской» позе со спущенными ногами (бхадрасана), что символизирует его готовность прийти в наш мир. Руки у него сложены перед грудью в жесте поворота колеса учения (дхармачакра-мудра). На уровне плеч бодхисаттвы находились два лотоса с атрибутами

Майтреи: правый с колесом учения утрачен, на левом находится сосуд-кундика. Майтрея восседает на высоком лотосовом престоле со спинкой. Подобные престолы появились во время индийской династии Пала (VII—XII вв.), позднее, в XVIII в., они были возобновлены в тибето-китайском стиле, копировавшим ранние памятники. В центре сверху трон украшен мифической птицей Гарудой, змеями (нагами), макарами и якшами (божествами из свиты Вайшраваны, хранителя севера и бога богатства).

Тысячерукая Ушнишаситатапатра представляет собой одну из форм богини Тары, праджню тысячерукой формы Авалокитешвары. Ее иконография одна из самых сложных в буддийском пантеоне. Богиня имеет много голов и ног. Ногами она попирает изображения людей, животных и птиц, символизирующих природу эгоцентрического существования, в руках перед грудью держит знамя победы, хотя обычным ее атрибутом является зонтик.

Сохранилось особенно много изображений Будды, выполненных в этом стиле. Одно из таких изображений находилось в личных покоях семьи Николая II, последнего российского императора [Архив Государственного Эрмитажа, ф. V, оп. 69, д. 155, л. 69—12].

Блестящим примером долоннорского стиля служит изображение коронованного Будды Шакьямуни, представленного в теле блаженства — самбхогакайе.

Литература

Архив Государственного Эрмитажа, ф. V, оп. 69, д. 155.

Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов, Л., 1951.

Бира Ш. Монголын түүх, соёл, түүх бичлэгийн судалгаа.

Studies in Mongolia history, culture, historiography // Вопросы истории, культуры, историографии Монголии. III. Уланбаатар, 2001.

Герасимова К. М. Памятники эстетической мысли Востока.

Тибетский канон пропорций // Трактаты по иконометрии и композиции Амдо, XVIII век. Улан-Удэ, 1971.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В., Кызласов Л. Р., Мернерт Н. Я., Левашиова В. П. Древнемонгольские города. М., 1965.

Елихина Ю. И. Буддийские дары дому Романовых из Галереи Драгоценностей // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2006.

Престол поддерживают снизу два льва, между ними расположена триратна — тройная пылающая буддийская драгоценность. Снизу и сверху престол декорирован лотосовыми лепестками и орнаментами. У трона Будды стоят два ученика: Шарипутра (старец) и Маудгальяяна (юноша), в руках у них монашеские жезлы (кхакхара) и патры.

Интересным памятником долоннорского стиля является изображение Майтреи, грядущего Будды (КО-1634), выс. 164 см. Он восседает на престоле со спущенными ногами в позе бхадрасана. Руки скрещены перед грудью в жесте поворота колеса учения — дхармачакра-мудра. Будда представлен в образе бодхисаттвы с многочисленными украшениями. Скульптура приобретена Эрмитажем в 1999 г. у В. П. Мишина, потомка Ф. Е. Вишневого (1902—1978), коллекционера и основателя музея В. А. Троппина в Москве.

Всего в коллекции Государственного Эрмитажа имеется около пятидесяти скульптур долоннорского стиля, изображающих милостивые и гневные буддийские божества.

Таким образом, в коллекции Государственного Эрмитажа представлены выдающиеся археологические находки и памятники различных народов, населявших территорию Монголии с древнейших времен и до начала XX в.

Лубо-Лесниченко Е. И. Древние китайские шелковые ткани и вышивки. Л., 1961.

Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. М., 1994.

Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы, М.; Л., 1962.

Цултэм Н. Выдающийся монгольский скульптор Г. Дзанабазар. Улан-Батор, 1982.

Beguín G. Trésors de Mongolie XVII—XIX siècles. P., 1993.

Treasures of Mongolia. Buddhist Sculpture from the School of Zanabazar. Gallery of A. M. Rossi, intr. By G. Beguín, NY., 2005.

Yu. I. Elikhina

The Mongolian collections in the State Hermitage Museum

This article describes some archaeological findings and pieces of art kept in the Hermitage museum. They belonged to various peoples which inhabited the territory of modern Mongolia from the ancient times to the early 20 century. Much attention is paid to the items from the most famous archaeological complex of the nomadic culture of the Huns (Xiongnu) — the Noin-Ula burial mound. They were brought by an outstanding researcher and explorer of Central Asia P. K. Kozlov from his last expedition to Mongolia in 1923—1926.

Key words: The state Hermitage, the Mongolian collections, Noin-Ula, nomadic material culture, animal style, the Mongolian sculpture, the Buddhism.